
Между
песком
и стеклом

Без Имени

Между песком и стеклом

«Автор»
2026

Имени Б.

Между песком и стеклом / Б. Имени — «Автор», 2026

«Это история о том, как мальчик, который строил военные базы из песка и гордился каждым солдатиком, стал мужчиной. Армия, работа на мебельной фабрике, простые радости и тяжёлые решения — всё вело к одному: стать отцом. А потом оказалось, что быть отцом — это не про силу и приказы, а про умение стоять у холодного стекла и тихо говорить: Я тут. Это предельно честный рассказ о любви, которая не требует подвигов, и о боли, которую не спрятать за привычными делами. История про Евочку — про то, что остаётся в сердце, даже когда больше некого держать за руку».

© Имени Б., 2026
© Автор, 2026

Без Имени
Между песком и стеклом

Глава 1

Сколько раз в жизни вы прокручивали в голове свою жизнь?

Я вот — довольно часто.

Да, как у многих, всё начинается с детства.

Детство моё сложно назвать детством.

Меня воспитывала няня, и я не знал, что такое детский сад, обеденный сон, первая детсадовская любовь, да и вообще ощущения этого потрясающего для многих периода жизни.

Няня была довольно суровой женщиной, со своим взглядом на воспитание детей и психологической особенностью.

Ей куда больше подошла бы роль надзирательницы в тюрьме, но никак не детской воспитательницы. На тот момент, конечно же, я ничего не понимал и не осознавал. Были тяжёлые времена, и моя Мама была вынуждена отдать меня на воспитание няне, когда мне было два года, и пробыл я у неё до десяти лет. Целых восемь лет я был под жёстким надзором у женщины, которой бы я не доверил даже котёнка. Конечно же, никто тогда и подумать не мог, что она настолько некомпетентна и сурова.

Почему я о ней так отзываюсь?

В современном мире сейчас, конечно же, разное мнение и восприятие «няни».

Но как называть человека, который воспринимает ребёнка лишь как способ заработка?

Да, она научила говорить, писать, читать…

Но немаловажно дать ребёнку чувство уюта, любви и детского счастья.

Я хорошо учился, слушался и в принципе выполнял всё, что требуется от ребёнка.

У меня почти не было друзей, потому как меня почти никогда не отпускали гулять, и мне приходилось проводить время самим с собой. Свободного времени у меня было не так много, потому что каждый день у меня были какие-то занятия: писанина, чтение и какие-то дела по дому. В свободное время я выходил во двор, находил какое-нибудь место у дерева и строил там военную базу из грязи, песка и камней. У меня было всего несколько солдатиков и пара машинок.

Моя Мама работала за границей, и виделись мы реже, чем вы бы могли себе представить. Она часто отправляла посылки с вещами, игрушками, вкусностями и всем необходимым. Всё бы хорошо, но только почти каждый раз мне ничего не доставалось. Вещи, которые приходили, оказывались у меня вовсе не все, вкусности — тем более. Она вообще была очень жестока по поводу питания. А игрушки доходили до меня выборочно: то, что она считала необходимым, она отдавала мне, а потом забирала недели через две, и больше я их не видел. В общем-то, мои несколько солдатиков и пара машинок были со мной всё моё детство.

Моё питание зависело от времени: я ел точно по времени. Садясь за стол, я должен был держать осанку, следить за тем, чтобы локти были навесу, правильно держать столовые приборы и уложиться в 5-7 минут. Всё было по граммам: первое и второе, даже тот же хлеб по граммам был, как в дни Великой Отечественной войны.

Не наелся и захотел добавки? К моему сожалению, я не мог даже и рассчитывать на такую роскошь.

Закаляться — это был очень важный для неё момент. Я ничего против этого не имею, но не тогда, когда это касается ребёнка. Для неё считалось нормой после душа закрывать ребёнка в одних трусах зимой в предбаннике, в котором щели размером с человеческий палец.

Сложно описать словами чувства ребёнка, который из раза в раз пытается понять: да что же не так? Почему ко мне такое отношение?

Когда прошло немало времени, я уже стал понимать…

Я — это способ её заработка.

Вещи и игрушки, которые мне Мама посылала, уходили её внукам или на продажу. Она регулярно звонила Маме и говорила о том, что не хватает денег то на одно, то на другое. Разумеется, она ей отсылала, и всё уходило на её нужды и прихоти. Но ей ведь нужно было что-то показывать и рассказывать.

Как-то раз она взяла меня с собой в кафе. Я, конечно же, рано этому обрадовался. Мы пришли в кафе, она взяла какое-то пирожное или тортик и кофе. Попросила сотрудницу сфотографировать в тот момент, когда она меня из ложки кормила. И это была единственная ложка, которую я съел. Она выпила кофе, съела этот тортик, и мы пошли домой.

Потом она сказала, чтоб я написал письмо Маме. Я написал, но только не так, как хотелось ей. И каждый раз я переписывал несколько раз, не из-за орфографических ошибок или неаккуратности, а просто из-за того, что я писал о том, что хочу, чтобы она меня забрала. Её не устраивало то, что я не описываю своё «счастье» и то, как весело я провожу время.

В конверт с моим письмом она положила ту самую фотографию из кафе. Конечно же, после таких писем, фотографий и рассказов няни Мама и не догадывалась ни о чём.

Каждый раз, когда Мама приезжала, у меня появлялась надежда, что вот-вот она меня заберёт. Но этого не происходило…

Я боялся ей рассказать обо всём лишь потому, что я понимал: мне не поздоровится, если об этом узнает няня.

Было очень тяжело осознавать то, что неизвестно, сколько мне ещё здесь находиться. Время шло, я взрослел и всё так же ждал того дня, когда меня заберут.

Когда наконец настал тот самый день, я ни о чём не думал…

Я не думал о том, как прошли все эти годы, не думал о своих обидах и о том, что она вытворяла. Я хотел лишь одного — поскорее уехать и забыть всё.

К сожалению, забыть не удалось. Прошло очень много лет, а я до сих пор помню всё, будто это было вчера…

Глава 2

Дорога к новому дому была невероятно насыщенной. Мои смешанные эмоции переполняли меня. Я был безумно рад и в то же время мне не верилось, что это происходит. Я так долго ждал этого…

Тот день, когда я вступил за порог нового дома, я помню до сих пор.

Эти стены, мебель и запах…

Запах был какой-то домашний: пахло свежестью, хлебом, и было прекрасное ощущение уюта. Я стоял посреди комнаты и не знал, что делать с этой тишиной. В том доме, где я жил раньше, тишина была наказанием: если ты не сидишь смирно, значит, ты что-то делаешь не так. Здесь тишина просто была.

Мне было десять, почти одиннадцать, и я впервые остался один в комнате и не ждал, что сейчас откроется дверь и прозвучит строгий голос. Я не верил, что это надолго. Я вообще тогда мало во что верил.

Когда я впервые остался в этом доме один, я не стал бегать по комнатам и кричать: «Я свободен!». Я сел на пол в коридоре и слушал тишину. Мне казалось, что если я слишком сильно обрадуюсь, то всё исчезнет. Как в том кафе,где мне дали одну ложку торта, а остальное съели без меня.

Теперь у меня была своя комната. Своё время. И никто не считал граммы хлеба. Но я всё равно ел очень быстро,боясь того, что не уложусь во время. Привычка не отпускала. Когда у меня впервые спросили: «Положить ли добавки?» — я растерялся и неуверенно кивнул головой. Тот дом остался позади, но его правила ещё долго жили во мне: я всё ещё боялся под-

нять голову слишком высоко, будто кто-то сейчас одёрнет. Каждый раз, когда у меня что-либо спрашивали, предлагали или просто разрешали, я испытывал бурю разных эмоций.

Я избавился от всех своих вещей, напоминавших мне тот самый дом. Лишь солдатики лежали на подоконнике.Они были единственной вещью, которая не изменилась, ведь они мне были дороги. Всё остальное — комната,запахи, тишина — было новым и оттого пугающим.

Когда я впервые вышел на улицу, мне было очень интересно и в то же время не по себе… Ведь я почти всё время играл один: один и тот же двор на территории дома, одни и те же игрушки. А здесь всё по-другому…

Детская площадка, на которой я ни разу не играл. Дети бегают, прыгают, играют…

Я ощущал себя не таким, как все. Не думал, что я могу вписаться к ребятам, познакомиться и играть вместе сними. Но всё произошло как-то само…

Случайно познакомился с одной девочкой — она жила в соседнем подъезде. Она поняла, что я только сюда переехал, и начала активно мне всё показывать и рассказывать. Спросила, в какую школу я буду ходить и в какой класс. Оказалось, что это не просто моя соседка, но ещё и будущая одноклассница. После этого она повела меня знакомиться с одноклассником.

На тот момент я даже не понимал, что она ведёт меня знакомиться с моим будущим лучшим другом.Познакомившись с ним, мы втроём пошли гулять, и впоследствии они познакомили меня с ещё одним одноклассником. Мы гуляли, болтали и играли в «стоп-земля». Это было незабываемое лето для меня. Я обрёл новый дом, новых друзей и был счастлив. 1 сентября меня посадили за одну парту с тем самым другом, что очень нас обрадовало.

Школа мало чем отличалась от той школы, в которой я учился. Но точно отличалась образованием. Да и потом, я целыми днями сидел за книжками, читал, писал и с пяти лет изучал английский язык. Вскоре я понял, что уровень знаний у моих одноклассников ниже, чем у меня. Да и материал они проходили тот, который я уже прошёл втретьем классе.

Поначалу я активно поднимал руку, отвечал, выходил к доске. Но потом осознал, что здесь это не в почёте. Чем ты умнее, тем больше косых взглядов и меньше интереса с тобой общаться. Увы, это довольно часто встречается в школах.

После этого я принял решение, что не буду выделяться, и сбавил обороты по успеваемости, поведению…

Сейчас я понимаю, что тот момент, когда я впервые подумал: «Пусть лучше будут косые взгляды, чем одиночество», — стал точкой, откуда всё покатилось вниз.

Тогда я не называл это так красиво. Я просто чувствовал, что если не стану таким, как они, меня оставят за бортом. И я начал делать маленькие вещи, которые раньше казались мне неправильными: не поднимать руку,пропускать уроки, смеяться над тем, над чем не хотелось смеяться.

Каждый раз, когда я так поступал, внутри что-то сжималось, будто я предавал того мальчика, который когда-тосидел на полу и слушал тишину нового дома, боясь слишком сильно обрадоваться. Но страх остаться одному был сильнее.

И на тот момент мне было важно иметь друзей. Я до сих пор помню, как впервые специально не сделал домашку.Не потому, что не успел или забыл, — а потому, что вдруг захотелось проверить: а что будет, если я просто нестану?

В старом доме за такое меня бы лишили ужина и заставили стоять в углу, считая секунды. Здесь мама просто устало спросила: «Почему?» — и я впервые не почувствовал, что мир сейчас рухнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.